

ПРАВО И ЯЗЫК: ДИАЛОГИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ

© 2012 г. Николай Владимирович Андрианов¹

Краткая аннотация: в статье показаны некоторые возможности семиотического подхода в исследовании права. Через раскрытие структурных аналогий дается обоснование диалогической сопряженности языка и права. Автор приходит к выводу о том, что стиль правовой системы в значительной мере связан с семантико-прагматическими правилами, которые кодируют правовые институты в соответствии с социально-историческим контекстом.

Annotation: some possibilities of semiotic approach to research of law are states in the article. The ground of dialogical conjugacy between language and law is explained through the discovery of structural analogies. The author arrives at the conclusion that the style of legal system is substantially connected with semantic-pragmatic rules, which encode legal institutions in accordance with the social-historical context.

Ключевые слова: семиотический подход, право, язык, структурные аналогии, диалогическая сопряженность, стиль правовой системы.

Key words: semiotic approach, law, language, structural analogies, dialogical conjugacy, style of legal system.

Поиск единственно приемлемой методологической системы исследований в сфере социальных наук, включая, разумеется, теорию права, вряд ли может завершиться окончательным, исчерпывающим результатом. Ведь даже в естествознании “методологический монизм”² как идея единообразия научного метода был поставлен под сомнение еще в первой трети XX в. Н. Бор в 1927 г. сформулировал принцип дополнительности в квантовой механике, в соответствии с которым корпускулярное представление об электронах должно быть дополнено волновым представлением, хотя ранее два этих подхода считались взаимоисключающими³. В науках об обществе методологический монизм еще менее перспективен. Дело в том, что социальная реальность конструируется и воспроизводится человеком под влиянием многочисленных разнородных факторов, в свою очередь являющихся преимущественно плодом человеческих усилий. Поэтому для изучения положения дел в социальном мире, включая “раскодирование” правовых институтов, требуются различные методологические модели. К их числу следует отнести семиотический⁴ под-

ход, во многом опирающийся на структурализм, но не сводимый к этому направлению гуманитарных исследований.

Родоначальником структурализма как научной методологии (причем не только в лингвистике) принято считать создателя Женевской лингвистической школы, выдающегося мыслителя Ф. де Соссюра⁵. Выдвинув и обосновав идею о том, что “в языке нет ничего, кроме различий”⁶, Ф. де Соссюр положил начало направлению научной мысли, которое, по выражению крупного английского лингвиста Дж. Лайонза, “в общем смысле придает больше значения отношениям между сущностями, чем самим сущностям”⁷. С методологической точки зрения эта идея особенно перспективна для наук об обществе, включая правоведение. Дело в том, что одни и те же свойства институтов права могут представлять и как имеющие сущностное значение, и как вто-

передающих информацию, семиотика играет заметную роль в методологии гуманитарных наук. Подробнее см.: Усманова А.Р. Семиотика // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007. С. 513–515.

¹ Председатель Московской коллегии адвокатов “Ресурс”, кандидат юридических наук (E-mail: resurs53@mail.ru).

² Известный финский философ и логик Г.Х. фон Вригт рассматривает методологический монизм в качестве одной из догм позитивизма (см.: Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. Избр. труды / Пер. с англ. М., 1986. С. 43). Тем не менее не следует принижать роль позитивизма в теории права и других наук об обществе.

³ См.: Кузнецов Б.Г. Принцип дополнительности. Изд. 2-е. М., 2007. С. 8, 9.

⁴ Как научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование знаковых систем, хранящих и

⁵ См.: Горных А.А. Структурализм // Новейший философский словарь. С. 634.; Автономова Н.С. Структурализм // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М., 2010. С. 647. Известный английский лингвист Дж. Лайонз, отмечая, что структурализм имеет разные истоки, полагает, что “в качестве удобной и общепринятой даты его возникновения как отдельного направления в лингвистике обычно считают публикацию в 1916 г. ” Курса общей лингвистики” Соссюра (см.: Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Пер. с англ. Изд. 3-е. М., 2010. С. 198).

⁶ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. Изд. 4-е. М., 2009. С. 119.

⁷ Лайонз Дж. Указ. соч. С. 202.

ростепенное. То, что в одном ракурсе кажется сущностью, в другом может оказаться лишь второстепенным признаком. Поэтому репрезентация образа правового института ничего не проясняет, если не раскрыт культурно-исторический контекст, не приведены конкретные ситуации действия института и не указаны особенности их интерпретации. Последнее особенно важно. Как показал немецкий философ Х.-Г. Гадамер, «понимание и истолкование есть в конечном счете одно и то же»⁸. Отсюда – проблема прояснения структурной сопряженности правовых институтов не только между собой, но и с другими социальными феноменами. Как представляется, особое место в их числе принадлежит естественному языку как уникальной семиотической системе, позволяющей структурировать социальную жизнь.

Пожалуй, первым мыслителем, со всей определенностью указавшим на значение естественного языка для методологии всех без исключения наук об обществе, был антрополог и лингвист Э. Сепир. Предельно краткое обоснование этой идеи содержится в следующем высказывании ученого: «Как раз потому, что язык является столь же социализированной частью культуры, как и любая другая ее часть, но при этом он обнаруживает в своих основах и тенденциях такую регулярность, какую привыкли наблюдать и описывать лишь представители естественных наук, он имеет стратегическое значение для методологии общественных наук»⁹. Приняв во внимание то, что сама возможность универсальной методологии для наук об обществе представляется сомнительной, а также сделав оговорку о необходимости с большой осторожностью относиться к заимствованию естественнонаучной методологии, следует признать, что имеющиеся в каждом языке регулярности (синтактико-семантические правила) и присущая каждому естественному языку регулярность (общезначимый характер языковых правил) указывают на аналогии с правом.

Приведем созвучные Э. Сепиру идеи признанных представителей структурализма. Французский антрополог и философ К. Леви-Стросс считает, что «язык можно рассматривать как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре,

рассматриваемой в ее различных аспектах»¹⁰. На то, что естественный язык является своего рода «организующим стержнем» и центром семиосферы, без которого невозможно само ее существование, указывает основатель московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман¹¹. В другой своей работе (в соавторстве с Б.А. Успенским) ученый отмечает, что культура как всеобъемлющая семиотическая система для выполнения функции «генератора структурности»¹² должна иметь внутри себя некое «штампующее устройство»¹³. По мнению соавторов, эту функцию выполняет естественный язык, формируя у людей «интуитивное чувство структурности» и заставляя их «трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых в лучшем случае не является очевидной»¹⁴, т.е. во многом благодаря языку люди воспринимают, конструируют и воспроизводят социальный мир в виде упорядоченных структур. В то же время благодаря праву (понимаемому как совокупность нормативных текстов, содержащихся в ментальных представлениях людей и реализующихся в их поведенческих актах и взаимных ожиданиях) институциональную структурированность обретает социальный мир. Право представляет собой грандиозную семиотическую систему¹⁵. Но его структурные связи с естественным языком не сводятся лишь к тому, что, как показал выдающийся французский языковед Э. Бенвенист, все семиотические системы «могут быть полностью интерпретируемы посредством знаков языка, но не наоборот»¹⁶, и не исчерпываются присущим языку свойством генерировать структурность, регулярность и регулятивность. Ниже будут приведены доводы в пользу существования диалогической структур-

¹⁰ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. М., 2008. С. 82, 83.

¹¹ См.: *Лотман М.Ю.* Внутри мыслящих миров // В кн.: *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2010. С. 254.

¹² *Лотман Ю.М. Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // В кн.: *Лотман Ю.М.* Семиосфера. С. 487.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ По мнению академика В.С. Степина, в воспроизводстве и развитии социума как целостного организма «особую роль играют семиотические системы, выступающие в функции хранителя, транслятора и генератора социально-исторического опыта. Образуя «тело» культуры, эти системы выражают тип социальной наследственности, а их развитие соотносится с социальной изменчивости, вне которой нельзя понять, как осуществляется эволюция общественных организмов» (см.: *Степин В.С.* Философия как рефлексия над основаниями культуры // В кн.: *Субъект, познание, деятельность.* М., 2002. С. 139).

¹⁶ *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. Изд. 4-е. М., 2010. С. 77.

⁸ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М., 1988. С. 452.

⁹ *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // В кн.: *Языки как образ мира.* М., СПб., 2003. С. 137.

ной сопряженности между естественным языком и правом.

Как представляется, между правом и языком можно обозначить, как минимум, шесть структурных аналогий.

Первая аналогия – нормативность¹⁷. Языковые нормы делают возможной как речевую коммуникацию, так и понимание письменных текстов всеми членами того или иного языкового коллектива и одновременно спланируют его. Правовые нормы “упорядочивают” социальную жизнь, делают ее понятной и пригодной как для относительно непроблематичной повседневной (рутинной) деятельности, так и для творческого изменения. Нормы, как обладающие качествами общепризнанности и общеобязательности правила, структурируют и речевую коммуникацию, и коммуникацию правовую. Немецкий философ языка Й.Л. Вайсгербер подчеркивал значение языка для “однородности основ мышления и форм выражения” языковых сообществ¹⁸. Но эта однородность возможна благодаря нормативности. Точно так же однородность восприятия социальной реальности и социального взаимодействия обеспечивается через общепризнанные правовые нормы и ценности. Как отмечает французский философ Э. Левинас, встреча и соприсутствие даже всего лишь двух индивидов “тут же образует порядок”¹⁹. Но даже в случае их радикальной “инаковости” и кажущейся несовместимости “столкновение двух порядков ведет к улаживанию, учреждению нового порядка, более широкого”²⁰. Порядок в данном случае – это структурированное нормами пространство социального взаимодействия, диалога, т.е. нормативность – это условие возможности порядка, порядка речевого и порядка социального (правопорядка). Но одновременно нормативность как социальная структура сохраняется и воспроизводится в языке и правовом взаимодействии.

Нормы языковые и нормы правовые не только задают рамки речевой (и иной) социальной деятельности, но и облегчают ее относительно непроблематичное осуществление, позволяют экономить время и энергию для налаживания

обыденного взаимодействия и принятия решений. В этой связи представляет интерес суждение американского специалиста в области кибернетического исследования мозга и мышления М. Арбиба о том, что “важным свойством любой системы, взаимодействующей со сложной средой, является ее способность преодолевать избыточность потенциальных команд”²¹. При отсутствии нормативности число вариантов как формулирования ситуации, так и вариантов возможного поведения ничем не ограничивается. А вот правила (нормы) обеспечивают единообразное формулирование и понимание ситуации и поддерживают взаимные ожидания относительно вариантов поведения в том или ином контексте. Как показал российский правовед, создатель психологической теории права Л.И. Петражицкий, “императивно-атрибутивный характер”²² (или, иначе – “обязывающе-предоставляющий”, когда правомочие одного индивида соответствует обязанности другого) юридических норм создает в обществе особую психологическую среду. Эта среда, которую он именуется как “императивно-атрибутивные переживания”²³, создает психологическую определенность и предсказуемость в поведении людей. Предсказуемость придает повседневной жизни обыденный, рутинный²⁴ характер. Императивно-атрибутивные ожидания делают ненужными, избыточными размышления человека над каждым новым своим шагом и над возможной реакцией на него других людей. Без нормативности, понимаемой диалогически²⁵ – как правомочие и соответствующая ему обязанность, такие размышления были бы мучительными и вели бы либо к избыточности адресуемых человеком самому себе потенциальных команд, либо к поведенческому “параличу” даже в сравнительно простых ситуациях. Точно так же мучительными были бы и попытки взаимодействия (коммуникации) людей без нормативности языка. В каждом случае им

¹⁷ Как верно указывает И.Л. Честнов, нормативность, по мнению безусловного большинства ученых, является первым признаком права (см.: Сапельников А.Б., Честнов И.Л. Теория государства и права. Учеб. для юрид. высших учеб. заведений. СПб., 2006. С. 182).

¹⁸ Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем. Изд. 3-е. М., 2009. С. 105.

¹⁹ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М., СПб., 2000. С. 323.

²⁰ Там же. С. 323.

²¹ Арбиб М. Метафорический мозг / Пер. с англ. Изд. 2-е, стереотипн. М., 2004. С. 37.

²² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. I. Изд. 2-е. СПб., 1909. С. 58.

²³ Там же. С. 108.

²⁴ Интересное определение дает термину “рутина” немецкий философ П. Слотердаик: “Рутинная – это отшлифованная повторением и в силу этого ставшая незаметной форма ожидаемого напряжения” (см.: Слотердаик П. Сферы. Плуральная сферология. Т. III. Пена / Пер. с нем. СПб., 2010. С. 485).

²⁵ Диалогическая концепция методологии и онтологии права разработана И.Л. Честновым (см., в частности: Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000); *Его же*. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 45–52).

приходилось бы тратить слишком много времени и усилий на то, чтобы обеспечить успешность речевых актов и обрести взаимную уверенность в понимании сказанного. Не будет преувеличением сказать, что вне нормативности ни язык, ни право не существуют.

Вторая аналогия – структурный характер воспроизводства языка и права. Он в значительной мере обусловлен нормативностью. Можно предположить, что сформированное благодаря языку интуитивное чувство нормативной структурности побуждает людей конструировать социально-правовую реальность таким образом, чтобы правовые институты сами обладали структурными свойствами и позволяли обнаруживать их в окружающем социальном мире. Интересно, что рассматривая культуру как грандиозную семиотическую систему, Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский определяют ее как “ненаследственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний”²⁶, т.е. правил, которым необходимо следовать. Здесь важно отметить, что правило несет в себе потенциал собственного воспроизводства и одновременно воспроизводства фрагмента социальной реальности.

Но ни язык, ни право никогда не могут быть структурно завершенными системами. В этом, безусловно, больше плюсов, чем минусов. Незавершенность системы обеспечивает ее адаптивность к внешним воздействиям, потенциал саморазвития, возможность не простого, а расширенного (все время усложняющегося) воспроизводства. Структурная незавершенность также предопределяет (и объясняет) изменчивость системы в ходе воспроизводства. Здесь необходимо отметить, что по крайней мере начиная с Нового времени изменения в языке происходят гораздо медленнее, чем в праве. Но структурная незавершенность не предопределяет и не объясняет наблюдаемого в течение последних 100 лет ускорения изменений в системе права (т.е. роста отклонений от воспроизводства), а тем более – характерного для западных стран (а в последнее время и для России) придания этому ускорению характера ценности. Объяснение этого явления, усложняющего воспроизводство права, можно обнаружить, по крайней мере отчасти, в постструктурализме.

Третья аналогия – подсознательный характер воспроизводства норм языка и норм права. Он обязан структурному характеру воспроизвод-

ства языковых и юридических норм. Как отмечает К. Леви-Стросс, “почти все акты лингвистического поведения оказываются на уровне бессознательного мышления”²⁷. Ведь при производстве речевого акта человек не задумывается над правилами составления предложений и произнесения слов и не напоминает их слушающему. Точно так же в повседневной жизни реализация правовых норм происходит главным образом на подсознательном уровне (например, при посещении магазина даже юрист не прибегает к ментальному воссозданию элементов сделки купли-продажи). Но, что важно подчеркнуть, эта подсознательность воспроизводства юридических норм характерна для обыденных, повседневных, многократно повторяющихся действий и не распространяется на сложные, нечасто встречающиеся ситуации (например, вступление в наследство, раздел имущества или процедура банкротства). В таких случаях приходится обращаться либо к тексту закона, либо к помощи юриста. Воспроизводство же языковых норм, даже при описании необычных явлений или при взаимодействии в сложных ситуациях, почти всегда происходит на бессознательном уровне. Это в определенной мере объясняется гораздо более слабой по сравнению с правом подверженностью языка как социального института произвольным изменениям. По этому поводу Ф. де Соссюр высказывает следующее соображение: “Язык не может быть уподоблен договору в его чистом и простом виде... если хотят показать, что действующий в коллективе закон есть нечто, чему подчиняются, а не свободно принимают, то нет этому более блестящего подтверждения, чем язык”²⁸.

Четвертая аналогия – институциональная принудительность языка и права. Эта принудительность обусловлена не столько санкциями за отказ следовать правилам языка и, соответственно, юридическим нормам, сколько многократной повторяемостью, типизацией как речевой деятельности, так и реализации права в поведении людей. Как показали видные представители феноменологического направления в социологии П. Бергер и Т. Лукман, принудительный характер институтов возникает главным образом не из-за угрозы санкций за неправильное поведение, а прежде всего благодаря “взаимной типизации опривыченных действий”²⁹. Они же относят принудительность

²⁷ Леви-Стросс К. Указ. соч. С. 68.

²⁸ Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 81.

²⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М., 1995. С. 92.

²⁶ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Указ. соч. С. 487.

к важнейшим свойствам языка: “Я сталкиваюсь с языком как с внешней для меня фактичностью, – пишут соавторы, – и он оказывает на меня свое принудительное влияние. Язык подчиняет меня своим структурам”³⁰. Здесь необходимо отметить, что, хотя структуры (правила) подчиняют и принуждают, они же и благоприятствуют ориентации и взаимодействию в сложном социальном мире.

Пятая аналогия заключается в том, что и нормы языка, и нормы права предусматривают **конвенциональность**, т.е. исторически сложившееся по их поводу согласие между членами социума. Насильно навязанные языковые формы редко приживаются. Точно так же если в обществе тот или иной институт отторгается правосознанием народа (или его большей части), не становится общепризнанным, то и возможность его использования оказывается проблематичной.

Австро-британский философ и методолог науки К. Поппер называет “конвенциональными”, или “искусственными” (если их сравнивать с законами природы), нормами существующие в человеческом обществе правовые акты и моральные заповеди, причем возникающие далеко не всегда в результате произвольных (волевых) решений³¹. Согласие людей следовать им в основном носит неявный характер. К. Поппер подчеркивает, что действующие в социуме конвенциональные нормы “искусственны в том смысле, что порицать за них, кроме себя, некого – ни Бога, ни природу”³². Но возникновению их не всегда предшествует некий получивший последующее одобрение большинства единовременный волевой акт. Конвенциональность правовых норм – это существующее в обществе согласие по поводу их легитимности, обеспечивающее отношение к ним как к чему-то естественному, изначально данному.

О человеческих языках как конвенциональных системах размышляет шведский лингвист Э. Даль³³. В его понимании языковая конвенция предполагает, во-первых, совместное знание, или знание, “разделяемое всеми”, а во-вторых – “взаимные ожидания”³⁴. Поэтому, считает ученый, к языковым конвенциям следует относиться как к “принципам, которые дают нам право воспринимать некоторые вещи как сами собой разумею-

щиеся”³⁵. Но “взаимные ожидания”, называемые Л.И. Петражицким “императивно-атрибутивными ожиданиями” (об этом говорилось выше), в свою очередь, психологически объясняют и конвенциональность права. Ведь прошедшие процесс легитимации нормы также воспринимаются людьми как нечто само собой разумеющееся.

Исследуя понятие языка, Х.-Г. Гадамер высказывает мнение, что “граница конвенционализма в том, что мы не можем произвольно менять значения слов, если хотим, чтобы язык оставался *языком*”³⁶. Равным образом произвольное, не согласующееся с культурным контекстом изменение правовых институтов и юридических понятий сделало бы крайне проблематичной социальную жизнь. Правда, время от времени это случается.

Американский языковед и этнограф Б.Л. Уорф обращает внимание на то, что люди, расчлняя и организуя мир в понятия, выступают как “участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию”³⁷. Соглашение по поводу языка не относится к числу тех, которые предварительно обсуждаются, заключаются путем некоего одноразового акта и могут быть впоследствии отменены. Это соглашение, пишет Б. Уорф, имеет силу для определенного речевого коллектива благодаря тому, что оно закреплено в системе моделей языка³⁸. По сравнению с языком право более пластично и легче подвержено трансформации. Но базовые, прочно укорененные в культуре социума правовые нормы (обычай) и ценности структурируют правосознание народа и нередко сохраняют свою действенность даже в случаях радикального изменения правовой системы. Искоренение этих базовых норм и ценностей, как правило, становится возможным лишь при условии искоренения их носителей.

Конвенциональность способствует воспроизводству и права, и языка, но она не только не гарантирует их от трансформаций, но и содержит внутреннюю возможность пересмотра и изменения правил. Ведь под воздействием весомых факторов любое соглашение может быть пересмотрено (это свойство присуще любому соглашению). Со временем меняются и естественные языки, и правовые системы. Как утверждает французский языковед К. Ажеж, языки – это “единственные системы знаков, изменчивость которых несомнен-

³⁰ Там же. С. 67.

³¹ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона; Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. Киев, 2005. С. 76 и др.

³² Там же. С. 76.

³³ См.: *Даль Э.* Возникновение и сохранение языковой сложности / Пер. с англ. М., 2009. С. 150.

³⁴ Там же. С. 151.

³⁵ Там же.

³⁶ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М., 1988. С. 472.

³⁷ *Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Языки как образ мира. М., СПб., 2003. С. 209.

³⁸ См.: там же. С. 209.

на, засвидетельствована и хорошо изучена. Изменяются и звуки, и смыслы³⁹. Но, предостерегает ученый, следует учитывать, что “ритм языковой эволюции вовсе не совпадает с ритмом эволюции менталитета, который сам изменяется даже медленнее законодательства”⁴⁰, т.е. динамика изменения права намного сильнее, чем динамика изменения языка. В эпохи революционных перемен в обществе или внешней военно-политической экспансии вся система права, включая “фундаментальные” принципы, может преобразиться коренным образом. Впрочем, в такие периоды радикальным образом может измениться и язык. Тем не менее, следует избегать проведения прямых аналогий между эволюцией языка и права. В этой связи уместно сослаться на приведенный К. Ажежем пример. В начале XX в. некоторые исследователи пытались объяснить отсутствие в законодательстве Франции ряда гражданских прав для женщин тем, что в словаре французского языка отсутствовала форма женского рода для административных должностей. “Однако, – пишет ученый, – французское общество уже давно встало на путь достижения равенства полов, в то время как производные женского рода до сих пор мало употребительны”⁴¹. Аналогичным образом складывалась ситуация и в России. Если женщина, к примеру, является генералом, депутатом или профессором, то именование ее “генеральшей”, “депутатшей” или “профессоршей” будет не только содержать оскорбительный оттенок, но и может привести к смысловому искажению социально-правового статуса: возникнет впечатление, что речь идет о жене, соответственно, генерала, депутата или профессора. Из этого следует вывод, что структурные аналогии не следует рассматривать как проявление жесткого детерминизма языка и права друг к другу. Как будет показано ниже, скорее речь следует вести об их диалогическом взаимоотношении.

Шестая аналогия указывает на определенное сходство (но не тождество) оппозиций “язык-речь” и “нормативные тексты – правоотношения”⁴².

³⁹ Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. Изд. 2-е, стереотип. М., 2006. С. 262.

⁴⁰ Там же. С. 256.

⁴¹ Там же.

⁴² В ином ключе формулирует и рассматривает эту аналогию Н.В. Разуваев, определяя ее следующим образом: «Юридическая действительность и правовая система: “речь” versus “язык”» (см.: Разуваев Н.В. Семиотические проблемы правовой антропологии // В кн.: И.Л. Честнов, Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков. Социальная антропология права современного общества. СПб., 2006. С. 166–178).

Открытое Ф. де Соссюром соотношение языка и речи как двух принципиально различных, но взаимно обуславливающих друг друга феноменов напоминает соотношение между нормативными текстами (правовыми статусами) и их воспроизводством в ментальных представлениях и поведенческих актах людей⁴³. Утверждая, что понятие языка (*langue*) не совпадает с понятием речевой деятельности вообще (*langage*)⁴⁴, Ф. де Соссюр, в частности, пишет: “Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного”⁴⁵. Здесь трудно избежать соблазна провести следующее сравнение: живая речь очень редко бывает идеально правильной, полностью соответствующей нормам языка; точно так же далеко не всегда поведенческие акты, из которых складываются правоотношения, совпадают с нормативными текстами. Но следует признать, что язык без заключенной в нем самой возможности отклонений от грамматических правил представлял бы собой застывшую систему, обладающую весьма ограниченными возможностями как для саморазвития, так и для интерпретации и внесения изменений в речевую образ социальной реальности, включая правовые институты. Новые поведенческие ситуации и конструкции требуют новых форм высказывания и воплощения в новых речевых жанрах (М.М. Бахтин определяет их как “относительно устойчивые и нормативные формы высказывания”⁴⁶). Точно так же новые правовые и иные социальные институты требуют фиксации в новых терминах и понятийных моделях. Но новые речевые жанры и новые институты права сами способны порождать новые ситуации, меняя тем самым образ социально-правовой реальности. Из этого следует вывод о том, что нормативная структурированность языка и права изначально предполагает вариативность и девиантность при реализации, соответственно, в речевом и социальном взаимодействиях. Означает ли это, что и языковая вариативность, и девиантное поведение человека предопределены на глубинном уровне сознания? Во всяком случае, по утверждению К. Ажежа, вариативность является центральным свойством языка, она “присуща

⁴³ Такой подход характерен для предложенной И.Л. Честновым диалогической концепции методологии и онтологии права.

⁴⁴ См.: Соссюр Ф. де. Указ. соч. 2009. С. 34.

⁴⁵ Там же. С. 38.

⁴⁶ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // В кн.: Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 275.

ему внутренне”, “связана с понятием системы”⁴⁷, т.е. является системным свойством языка⁴⁸. Ну а девиантность поведения предстает отличительной чертой человека на протяжении всей его истории⁴⁹.

Сказанное не следует понимать упрощенно, в том духе, что неправильное употребление грамматики свидетельствует о склонности к противоправным действиям. Эти структурно предопределенные нормативные отклонения, или девиации, самоценны, поскольку постоянно обеспечивают не только восприятие непрерывно меняющейся социальной реальности, но и “овладевание” ею через ее конструирование. Отклонения в поведении и языковая вариативность были бы совершенно излишни только при необходимости ежедневного повторения с точностью до мельчайших деталей одних и тех же ситуаций (как в известном фильме “День сурка”).

Находящиеся в диалогическом взаимодействии нормативность и девиация (вариативность) как в языке, так и в праве позволяют, с одной стороны, создавать структурированный образ социально-правовой реальности (состоящий из таких конструкций, как модели поведения, правовые институты и облеченные в языковую форму их понятия), а с другой – воспринимать этот образ как нечто, имеющее рациональные основания. Интересно, что семиотически распознаваемая (через тексты, содержащие правовые нормы и ценности) структурированность образа социальной реальности и однажды обнаруженный (и ретранслируемый из поколения в поколение) факт изменения картины социального мира создают иллюзию возможности изменять социальные институты быстро и на строго рациональной основе (реформировать, модернизировать). Но одно дело – мысленно (в политических манифестах и партийных программах) изменить конфигурацию социально-правовых институтов, а другое – добиться этого в жизни. Семиотически воспринимаемая нормативная структурированность образа социально-правовой реальности действительно может создавать видимость легкости собственного

трансформирования по воле людей. Дело в том, что одновременно нормативная структурированность и языка, и социальной жизни поддерживает воспроизводство старых институтов и ценностей в повседневных человеческих практиках, т.е. благодаря семиотической структурированности сам процесс воспроизводства языка в речи, а нормативных текстов – в правоотношениях одновременно настроен и на трансформацию понятийных конструкций и правовых институтов, и на их сохранение и стабилизацию. Поэтому структурно обусловленная рекурсивность языка и права, т.е. способность к воспроизводству, соответственно, в речи и в правоотношениях, придает устойчивость семиотическому образу правовой реальности, или, если воспользоваться термином Ю.М. Лотмана, семиосфере⁵⁰ права. В то же время семиосфера права способствует воспроизводству нормативных текстов в правоотношениях. Эта диалогичность взаимодействия семиосферы права и его воспроизводства в конкретных правоотношениях отчасти объясняет трудности легитимации новых правовых институтов (более широкое объяснение этой проблемы требует раскрытия культурно-исторического контекста в целом).

Кроме того, в диалогическом взаимодействии находятся структурно предопределенная нормативность и девиация (вариативность) и права, и языка, что обуславливает как их воспроизводство, так и изменение (обнаруживаемое, как правило, лишь при диахроническом анализе).

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. И вариативность языка, и ускоряющуюся изменчивость права в эпоху постмодерна⁵¹ можно и желательно рассматривать также с позиций постструктурализма, ориентированного, как и структурализм, на семиотическую методологию, но, в отличие от него, отводящего главную роль “внеструктурным параметрам”⁵². Это междисциплинарное направление иссле-

⁴⁷ Ажесж Клод. Указ. соч. С. 263.

⁴⁸ Возможно, что языковая способность структурирует поведенческие образцы человека с изначально “заданным” (врожденным) свойством нормативности и девиации, а возможно, языковая способность и способность воспроизводства социальной реальности структурированы аналогичным образом без жесткой иерархии и находятся в диалогическом взаимодействии.

⁴⁹ Подробнее авторскую позицию по данному вопросу см.: Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М., 2011. С. 145–171.

⁵⁰ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 250 и далее. Термин “семиосфера” Ю.М. Лотман использует по аналогии с термином “биосфера” В.И. Вернадского. Семиосферой он называет семиотическое пространство, являющееся не просто суммой отдельных языков (“от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды”), но “условием их существования и работы”. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка. Языки, считает ученый, – это “функции, сгустки семиотического пространства” (см.: Указ. соч. С. 250, 251).

⁵¹ Подробно авторский взгляд по этой проблеме см.: Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М., 2011. С. 204–211.

⁵² Усманова А.Р. Постструктурализм // Новейший философский словарь. Постмодернизм. С. 442.

дования социальных проблем, по крайней мере частично, позволяет раскрыть обстоятельства трансформации юридических понятий в симулякры (термин Ж. Бодрийяра) и прояснить вытеснение привычных и понятных в структурном отношении схем воспроизводства языка и права “линиями ускользания” (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари)⁵³.

Ряд структурных аналогий между правом и языком можно продолжить. И язык, и право служат средством социального контроля. Отсюда – стремление власти контролировать и язык и, разумеется, право и правосознание. Как отмечает К. Ажеж, “у языка есть замечательная особенность – служить потаенным источником власти”⁵⁴, а “умение пользоваться языком открывает доступ к власти”⁵⁵. Поэтому, полагает К. Ажеж, язык – это достояние политики, а власть в своей языковой политике практикует “лингвистический дирижизм” с целью унификации языка, поддержания “идеальной нормы”⁵⁶. Власть заинтересована в единстве языка, считает ученый, поскольку его вариативность ведет к вариативности способов мышления, к вариативности способов выражения мысли, что, в свою очередь, может затруднить даже денежное обращение⁵⁷. Аналогичным образом власть стремится к унификации законодательства (а наднациональные центры силы – к унификации национальных правопорядков и подавлению этнической самобытности).

На прочную связь языка с подчинением и порядком указывают яркие представители философии постмодерна Ж. Делез и Ф. Гваттари: “Формирование грамматически правильной фразы – это для нормального индивида предпосылка любого подчинения социальным законам. Никто не может отговариваться незнанием грамматики. Те же, кто ее игнорирует, годятся для специальных учреждений. Единство языка прежде всего является политическим. Нет языка-основы, а есть лишь захват власти господствующим языком, который иногда выдвигается широким фронтом, а иногда одновременно обрушивается на разные центры”⁵⁸. Получается, что язык приобретает субъектность, а человек как классический субъект и речевой деятельности, и права – исчезает.

Эта идея, являющаяся одной из ключевых в философии постмодерна, еще более категорично репрезентируется немецким социологом Н. Луманом. Он предлагает “в качестве замены понятия субъекта”⁵⁹ ввести понятие “структурной сопряженности между психическими и социальными системами, между сознанием и коммуникацией”⁶⁰. Ученый настаивает на том, что механизмом такой структурной сопряженности является естественный язык, поскольку “он применим как на психическом, так и на коммуникативном уровне и не мешает тому, чтобы оба способа оперирования, а именно: распределение внимания и коммуникация, – осуществлялись отдельно и не смешивались”⁶¹. Таким образом, у Н. Лумана язык является субъектом социального мира (в том числе субъектом и речевой деятельности, и правоотношений). Получается, что не человек говорит на языке, а язык “говорит человеком”. Это радикальное положение постмодерна не следует принимать безоговорочно, но учитывать в исследовательской работе необходимо.

Взаимосвязь структурных аналогий. Взаимосвязь приведенных выше структурных аналогий языка и права можно проследить следующим образом. Нормативность правил языка и правил юридических делает возможным их конвенциональность, т.е. явные или неявные соглашения по поводу их соблюдения. Конвенциональность, предполагающая, с одной стороны, осведомленность по поводу правил, а с другой – взаимные ожидания их соблюдения, одновременно хранит в себе возможность пересмотра и изменения при необходимости тех или иных правил. Нормативность и конвенциональность обеспечивают институциональную принудительность языка и права, в которой главное – не санкции, а взаимная опривыченность действий. Благодаря институциональной принудительности воспроизводство языка и права носит подсознательный характер, а благодаря нормативности – структурный. Тем самым социальное взаимодействие оптимизируется с точки зрения затрат психической энергии и времени, а также возможности (при необходимости) внесения в социальную жизнь быстрого и понятного (по крайней мере обладающего объяснительной способностью) изменения.

Диалогическая сопряженность языка и права. По утверждению Ф. де Соссюра, “обычай

⁵³ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Екатеринбург, 2010. С. 15 и др.

⁵⁴ Ажеж К. Указ. соч. С. 192.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: там же.

⁵⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 169.

⁵⁹ Луман Н. Введение в системную теорию / Под ред. Д. Бекера; пер. с нем. М., 2007. С. 284.

⁶⁰ Там же. С. 288.

⁶¹ Там же.

нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию”⁶². Развернутое обоснование этого вывода ученый не предлагает. Из контекста следует, что он имеет в виду социальную жизнь нации, включая правопорядок и правосознание. Но остается неясным, почему обычаи нации отражаются на языке?

Интересны размышления по этой проблеме немецкого мыслителя Ю. Хабермаса, полагающего, что “притязания на нормативную значимость опосредуют некую взаимозависимость между языком и социальным миром, которой нет в отношениях между языком и миром объективным”⁶³. В скобках приходится отметить, что дальнейшее развитие этого положения Ю. Хабермасом направлено не на раскрытие взаимозависимости между языком и социальным миром, а на необходимость различения существующих норм и их действенности⁶⁴. Кроме того, “притязания на нормативную значимость” сами по себе еще недостаточны для вывода о “взаимозависимости” между языком и социальным миром (включая право и правосознание). Было бы точнее, как представляется, подчеркнуть диалогический характер взаимодействия (и взаимозависимости) языка и нормативно структурированного социального мира. Трудно отрицать, что именно в языке заложена способность нормативно структурировать (разумеется, всегда под влиянием культурно-исторического контекста) социальный мир. Но одновременно действие юридических норм социального мира предполагает (и включает в себя) признание норм языка в качестве общеобязательных.

При этом необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство. Внутренне присутствующая языку многозначность, видимо, всегда вызывала беспокойство относительно стабильности коммуникации между людьми, включая коммуникацию по поводу реализации норм поведения⁶⁵. Известно, что древнегреческие мыслители не только выражали крайнюю озабоченность относительно языковой полисемичности, но и предлагали конкретные меры для ее преодоле-

ния. Как напоминает В.М. Розин, Платон, предлагая категорию идей как твердых, неизменных сущностей вещей, пытался “построить нормы рассуждений”, или, говоря иначе, “нормировать рассуждения”⁶⁶. При этом Платон добивался не только логического, но и семантико-синтаксического нормативного единообразия в употреблении понятий. Хотя концепция семиозиса, раскрывающая отношения знаков (в том числе и языковых) к объекту (семантика), друг к другу (синтактика) и к интерпретатору (прагматика), была предложена американским философом Ч. Моррисом в 1938 г.⁶⁷, контроль за семантической, синтаксической и прагматической правильностью употребления языка в той или иной форме существовал во всех обществах. Здесь уместно сослаться на мнение Дж. Лайонза, показавшего, что “самовыражение вообще и самовыражение посредством языка в частности в значительной мере контролируется выработанными и признанными обществом нормами поведения и категоризации”⁶⁸. Однако особый интерес представляет не официальный и даже не обыденно-бытовой (но осознанно осуществляемый) контроль за правильностью употребления языка, а подсознательный контроль, обеспечивающий не только семантико-синтаксическое, но и стилистическое единообразие речевых актов. Именно здесь обнаруживается диалогическая сопряженность языка и права, благодаря которой нормативность буквально пронизывает социальную жизнь людей. В этой связи заслуживает внимания точка зрения немецкого философа К.-О. Апеля, полагающего, что “само взаимопонимание, достигаемое на языке, в каждой возможной языковой игре⁶⁹ априори связано с правилами, которые не могут впервые устанавливаться с помощью “конвенций”, а, прежде всего, сами делают возможными конвенции – напр. норму соблюдения правил в социальном контексте, а это, среди прочего, имплицитно норму истинной речи. Такие метарула всех конвенционально установленных правил принадлежат, на мой взгляд,

⁶² Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 43.

⁶³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Изд. 2-е, стереотипн. СПб., 2006. С. 96.

⁶⁴ См.: там же. С. 97, 98.

⁶⁵ Следует обратить внимание на то, что в отечественном правоведении плодотворно разрабатывается коммуникативная концепция права (см.: Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004).

⁶⁶ Розин В.М. Конституирование и обоснование философско-методологических систем // В кн.: Наука: от методологии к онтологии / Отв. ред. А.П. Огурцов, В.М. Розин. М., 2009. С. 22.

⁶⁷ См.: Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сб. переводов / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1982 // <http://elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/morris.htm>

⁶⁸ См.: Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Пер. с англ. Изд. 3-е. М., 2010. С. 134.

⁶⁹ Л. Витгенштейн называет языковой игрой единство “языка и действий, с которыми он переплетен” (см.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М., 2003. С. 227).

не к определенным языковым играм или жизненным формам, а к трансцендентальной языковой игре неограниченного коммуникативного сообщества⁷⁰. Означает ли это, что понимаемые в широком смысле правила (нормы) – это некие глубинные структуры сознания, которые делают возможным язык, наделяют семантической нормативностью речевые акты и в самом общем плане предопределяют нормативно-правовой характер социального мира? Во всяком случае именно на это указывает приведенное выше положение К.-О. Апеля об априори существующих метаправилах, обеспечивающих возможность упоминаемой трансцендентальной языковой игры неограниченного коммуникативного сообщества. Но, как бы ни заманчиво выглядела такая гипотеза, представляется очевидным, что она выходит за пределы предметной области правоведения.

Однако для вывода о диалогической сопряженности языка и права основания, видимо, имеются. Она проявляется в том, что юридические правила связаны с семантическими правилами и семантическими полями конкретного естественного языка, а реализация юридических норм в правоотношениях и взаимных ожиданиях поддерживает существование этих семантических правил и полей у того или иного языкового коллектива. Разумеется, это не следует понимать так, что правовые институты и семантико-прагматические правила детерминируют друг друга. Речь идет о том, что они соотносятся друг с другом таким образом, что для всего языкового сообщества само существование и правил словоупотребления, и правил поведения представляется естественным, необходимым. Но интерпретация правовой нормы, да и правовой системы в целом, возможна лишь в определенном семантическом поле конкретного

языка⁷¹. Как отмечает К.-О. Апель в своем анализе теории языковых игр Л. Ф. Витгенштейна, “понимание и понятное поведение имеют своей предпосылкой конкретную языковую игру, т.е. некоторую публичную “практику” или социальный “институт”⁷². Язык и право не только структурируют социальную жизнь и делают возможным социальное конструирование реальности, но и вообще возможны лишь при условии диалогической сопряженности друг с другом.

Язык придает нормативность социальной жизни и позволяет обнаружить эту нормативность в самом себе. Получается, что язык, придавая нормативный характер социальной жизни, позволяя обнаружить нормативность в самом себе, создает тем самым предпосылки для социального контроля за правилами употребления самого языка. Разумеется, констатация этого возможна лишь с появлением теоретического знания. Тем не менее, вряд ли можно отрицать существование контроля за соблюдением языковых правил в обществах, относимых к традиционным.

В практическом плане диалогическая сопряженность языка и права указывает на то, что стиль той или иной правовой системы⁷³ в значительной мере связан с правилами семантики и прагматики, которые кодируют правовые институты, связывают их с социально-культурным контекстом и способствуют (или препятствуют) их восприятию правосознанием народа. Поэтому методология “раскодирования” как отдельных правовых институтов, так и целых правовых систем предполагает использование семиотического подхода.

⁷⁰ Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // В кн.: Апель К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. М., 2001. С. 220.

⁷¹ Так, в странах континентального права понятие конституции связано с существованием единого письменного текста основного закона. У жителей Англии эта точка зрения вызывает иронию.

⁷² Апель К.-О. Витгенштейн и проблема герменевтического понимания // Апель К.-О. Указ. соч. С. 97.

⁷³ Понятие “*стиль правовой системы*” предложено немецкими правоведами-компаративистами К. Цвайгертом и Х. Кетцем (см.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х т. Т. I. Основы / Пер. с нем. М., 2000. С. 107).